

Глава 7. Свобода и демократия

1. Иллюзия индивидуальности

В предыдущих главах я постарался показать, что в современной промышленной системе, и особенно в ее монополистической фазе, есть факторы, вырабатывающие тип личности, для которой характерно ощущение бессилия, одиночества, тревоги и неуверенности. Я говорил об особых условиях в Германии, превративших часть ее населения в питательную почву для идеологии и политической практики, обращенной к тому типу личности, который я назвал авторитарным.

Ну, а как обстоит дело у нас? Только ли из-за океана угрожает фашизм нашей демократии, только ли его "пятая" колонна" существует среди нас? В этом случае положение было бы весьма серьезным, хотя еще и не критическим. Однако — хотя необходимо принимать всерьез и внешнюю и внутреннюю угрозу фашизма — нет большей ошибки и более серьезной опасности, чем не замечать, что в нашем обществе мы сталкиваемся с тем же явлением, которое повсюду питает корни фашизма: с ничтожностью и бессилием индивида.

Это утверждение противоречит общепринятому мнению, что современная демократия, освободив индивида от всех внешних ограничений, привела к расцвету индивидуализма. Мы гордимся тем, что нас не гнетет никакая внешняя власть, что мы свободны выражать свои мысли и чувства, и уверены, что эта свобода почти автоматически обеспечивает нам проявление индивидуальности. Но право выражать свои мысли имеет смысл только в том случае, если мы способны иметь собственные мысли; свобода от внешней власти становится прочным достоянием только в том случае, если внутренние психологические условия позволяют нам утвердить свою индивидуальность. Достигли ли мы этой цели? Или хотя бы приближаемся ли к ней? Эта книга посвящена человеческому фактору, поэтому ее целью является критический анализ именно данной проблемы. Начало такому анализу уже было положено в предыдущих главах. Говоря о двух значениях свободы для современного человека, мы показали, как экономические условия усиливают изоляцию и беспомощность индивида в наше время. Говоря о психологических результатах, мы показали, что эта беспомощность приводит либо к особому роду "бегства", характерному для авторитарной личности, либо к вынужденному конформизму, вследствие которого индивид превращается в робота, теряет себя, но при этом убежден, что он свободен и подвластен лишь собственной воле.

Важно осознать, до какой степени наша культура питает эту тенденцию к конформизму, даже если и существуют выдающиеся примеры обратного. Подавление спонтанных чувств — а следовательно, и подлинной индивидуальности — начинается очень рано, по существу, с самого начала воспитания ребенка[52]. Это не значит, что любое воспитание неминуемо приводит к подавлению спонтанности; если подлинной целью воспитания является полноценное развитие ребенка, развитие его внутренней независимости и индивидуальности, этого не происходит. При таком воспитании может возникнуть необходимость в каких-то ограничениях, но эти временные меры лишь способствуют росту и развитию ребенка. Однако у нас воспитание и образование слишком часто приводят к уничтожению непосредственности и к подмене оригинальных психических актов навязанными чувствами, мыслями и желаниями. (Напомню, что оригинальной я считаю не ту идею, которая никогда никому не приходила на ум; важно, чтобы она возникла у самого индивида, чтобы она была результатом его собственной психической деятельности, то есть его мыслью.) Чтобы проиллюстрировать этот процесс, выберем (несколько произвольно) одно из самых ранних подавлении чувства — подавление чувства враждебности и неприязни.

Начнем с того, что у большинства детей возникает некоторая враждебность и мятежность: результат их конфликтов с окружающим миром, ограничивающим их экспансивность, поскольку им — слабой стороне — приходится покоряться. Одна из основных задач процесса воспитания состоит в том, чтобы ликвидировать эту антагонистическую реакцию. Методы при этом различны: от угроз и наказаний, запугивающих ребенка, до подкупов и "объяснений", которые смущают его и вынуждают отказаться от враждебности. Вначале ребенок отказывается от выражения своих чувств, а в конечном итоге — и от самих чувств. Вместе с тем он учится подавлять свое осознание враждебности или неискренности других людей; иногда это дается ему нелегко, потому что дети обладают способностью замечать эти качества, их не так просто обмануть словами, как взрослых. Они не любят кого-то "без каких-либо причин" (если не считать причиной, что ребенок чувствует враждебность или неискренность, исходящие от этого человека). Такая реакция скоро притупляется; не так уж много времени требуется для того, чтобы ребенок достиг "зрелости" среднего взрослого и потерял способность отличать достойного человека от мерзавца.

Кроме того, уже на ранней стадии воспитания ребенка учат проявлять чувства, которые вовсе не являются его чувствами. Его учат любить людей (обязательно всех), учат быть некритично дружелюбным, улыбаться и т. д. Если в процессе воспитания в детстве человек "обломан" не до конца, то впоследствии социальное давление, как правило, довершает дело. Если вы не улыбаетесь, то про вас говорят, что вы "не очень приятный человек", а вы должны быть достаточно приятным, чтобы продать свои услуги в качестве продавца, официанта или врача. Лишь те, кто находится на самом вершине социальной пирамиды, и те, кто в самом низу ее — кто продает только свой физический труд, — могут позволить себе быть не особенно "приятными". Дружелюбие, веселье и все прочие чувства, которые выражаются в улыбке, становятся автоматическим ответом; их включают и выключают, как электрическую лампочку[53].

В качестве красноречивого примера я приведу репортаж "Рестораны Говарда Джонсона" из журнала "Форчун".

Разумеется, часто человек осознает, что это всего лишь жест; однако в большинстве случаев он перестает это осознавать и вместе с тем теряет способность отличать такое псевдочувство от спонтанного дружелюбия.

Не только враждебность подвергается прямому подавлению, и не только дружелюбие убивается вынужденной подделкой. Подавляется (и замещается псевдочувствами) широкий спектр спонтанных эмоций. Фрейд поставил в центр всей своей системы подавление секса. Хотя я считаю, что ограничения в сексуальной сфере являются не единственным важным подавлением спонтанных реакций, а лишь одним из многих, его значением нельзя пренебрегать. Результаты такого подавления очевидны в случаях сексуальной заторможенности, а также тогда, когда секс приобретает характер вынужденной необходимости и употребляется как алкоголь или наркотик, которые сами по себе особого вкуса не имеют, но помогают забыться. Независимо от этих частных проявлений подавление сексуальных реакций ввиду их интенсивности — не только оказывает влияние на сексуальную сферу, но и угнетает способность человека к спонтанному проявлению во всех остальных сферах.

В нашем обществе эмоции вообще подавлены. Нет никакого сомнения в том, что творческое мышление — как и любое другое творчество — неразрывно связано с эмоцией. Однако в наши дни идеал состоит как раз в том, чтобы жить и мыслить без эмоций.

"Эмоциональность" стала синонимом неуравновешенности или душевного нездоровья. Приняв этот стандарт, индивид чрезвычайно ослабил себя: его мышление стало убогим и плоским. Вместе с тем, поскольку эмоции нельзя подавить до конца, они существуют в полном отрыве от интеллектуальной стороны личности; результат — дешевая сентиментальность, которой кормятся миллионы изголодавшихся по чувствам потребителей у кино и у популярной песенки.

Есть одна запретная эмоция, которую я хочу отметить особо, потому что ее подавление затрагивает самые корни личности; это — чувство трагедии. Как мы видели в одной из предыдущих глав, осознание смерти и трагической стороны жизни — будь оно ясным или смутным — является одним из основных свойств человека. Каждая культура справляется с проблемой смерти по-своему. В тех обществах, где процесс индивидуализации зашел не очень далеко, конец индивидуального существования представляется меньшей проблемой, поскольку меньше развито само ощущение индивидуального существования. Смерть еще не воспринимается как нечто радикально отличное от жизни. В культурах с более высоким уровнем индивидуализации относились к смерти в соответствии с их общественным строем и социальной психологией. Греки обращали все свое внимание на жизнь, а смерть представляли себе лишь как продолжение этой жизни, хотя и унылое. Египтяне возлагали надежды на нетленность, нерушимость человеческого тела, по крайней мере нетленность тела того человека, власть которого была нерушимой при жизни. Евреи принимали факт смерти реалистично и были способны примириться с мыслью о прекращении индивидуальной жизни, утешая себя ожиданием того царства счастья и справедливости, к которому должно в конце концов прийти человечество. Христианство сделало смерть нереальной и пыталось утешить несчастного индивида обещанием жизни после смерти. Наша эпоха попросту отрицает смерть, а вместе с нею и одну из фундаментальных сторон жизни. Вместо того чтобы превратить осознание смерти и страданий в один из сильнейших

стимулов жизни — в основу человеческой солидарности, в катализатор, без которого радость и энтузиазм утрачивают интенсивность и глубину, — индивид вынужден подавлять это осознание. Но как и при всяком подавлении, спрятать — не значит уничтожить. Страх смерти живет в нас, живет вопреки попыткам отрицать его, но подавление приводит к его стерилизации. Этот страх является одной из причин бедности наших переживаний, нашей безостановочной погони за жизнью и объясняет — беру на себя смелость это утверждать — невероятные суммы, которые платят наши люди за свои похороны.

Двусмысленную роль играет в подавлении и запрещении эмоций современная психиатрия. С одной стороны, величайший ее представитель, З. Фрейд, пробился сквозь фикцию рационального, целенаправленного человеческого поведения и открыл путь, позволивший заглянуть в глубины человеческих страстей. С другой стороны, психиатрия, обогащенная именно этими достижениями Фрейда, сама превратилась в орудие, служащее общей тенденции манипулирования личностью. Стараниями многих психиатров, в том числе и психоаналитиков, создан образ "нормального" человека, который никогда не бывает слишком грустен, слишком сердит или слишком взволнован. Черты характера или типы личности, не подходящие под этот стандарт, они неодобрительно обозначают как "инфантильные" или "невротические". Влияние такого рода в некотором смысле опаснее, чем действие более старомодных, откровенных кличек. Прежде индивид по крайней мере знал, что критика исходит от какого-то человека или какой-то доктрины, и мог как-то защищаться от них. Но кто может бороться с "наукой" вообще?

Такому же искажению, как чувства и эмоции, подвергается и оригинальное мышление. С самых первых шагов обучения у человека отбивают охоту думать самостоятельно, а в его голову закладываются готовые мысли. Легко увидеть, как это происходит с детьми. Они преисполнены любопытства, хотят охватить окружающий мир не только физически, но и интеллектуально. Они хотят знать правду, потому что это самый надежный способ ориентироваться в чужом и подавляюще сильном мире. Но их желания и стремления не принимают всерьез; и не так уж важно, в какой форме это проявляется: в открытом пренебрежении или в мягкой снисходительности, которая обычна в обращении со слабыми (будь то дети, старики или больные). Такое обращение и само по себе наносит серьезный вред самостоятельному мышлению, но дело обстоит гораздо хуже в случае неискренности — часто неумышленной, которая обычна в поведении родителей с детьми. Отчасти эта неискренность проявляется в том, что ребенку дают искаженную картину мира. Это так же полезно, как описывать жизнь в Арктике человеку, попросившему совета перед экспедицией в Сахару. Но кроме общего искажения, бывает и много специальной лжи, направленной на утаивание от детей каких-то фактов, знание которых детьми для родителей нежелательно. "Не твоего ума дело", — говорят ребенку, и его расспросы наталкиваются на враждебный-или вежливый отказ в самых различных случаях: от плохого настроения родителей, которое рационализируется как оправданное недовольство плохим поведением ребенка, и до половых отношений или семейных ссор, о коих с детьми не говорят.

Подготовленный таким образом ребенок попадает в школу или в колледж. Здесь применяются методы обучения, в действительности ведущие к дальнейшему подавлению самостоятельного мышления; на некоторых из них я останавлиюсь. Один из них —

настойчивое требование от учащихся знать факты, точнее, информацию. Существует жалкое суеверие, будто человек достигает знания действительности, усваивая как можно больше фактов. В головы учащихся вдалбливаются сотни разрозненных, не связанных между собой фактов; все их время и вся энергия уходят на заучивание этой массы фактов, а думать уже некогда и нет сил. Разумеется, мышление само по себе — без знания фактов это фикция, но и сама по себе "информация" может превратиться в такое же препятствие для мышления, как и ее отсутствие.

Другой способ подавления самостоятельного мышления, тесно связанный с первым, состоит в том, что всякая истина считается относительной. Истина рассматривается как метафизическое понятие; если кто-то говорит, что хочет выяснить истину, то "прогрессивные" мыслители нашего века считают его отсталым. Утверждается, что истина — это нечто совершенно субъективное, чуть ли ни дело вкуса; что научное мышление должно быть отделено от субъективных факторов; что его задача состоит в том, чтобы исследовать мир без пристрастия и заинтересованности; что ученый должен подходить к фактам со стерильными руками, как хирург к пациенту, и т. д. Этот релятивизм, который часто выступает под именем эмпиризма или позитивизма и ссылается на необходимость точного употребления слов, приводит к тому, что мышление теряет свой основной стимул — заинтересованность мыслителя; ученый превращается в машину для регистрации "фактов". Как само мышление развилось из потребности овладения материальной сферой, так и стремление к истине коренится в потребностях, в интересах отдельных людей или социальных групп; без такого интереса не было бы стимула искать истину. Всегда есть группы, чьим интересам способствует раскрытие истины; представители этих групп всегда были пионерами человеческой мысли. Есть и другие группы, чьим интересам способствует сокрытие истины, и заинтересованность становится вредной для истины лишь в этом последнем случае. Поэтому вопрос не в том, есть ли заинтересованность, а в том, какого рода эта заинтересованность. Поскольку каждый человек когда-то проявляет какое-то стремление к истине, нужно, по-видимому, признать, что в каждом человеке заложена потребность в ней.

Это справедливо прежде всего в отношении ориентации человека во внешнем мире, и особенно это касается детей. В детстве каждый человек проходит стадию слабости, а истина — это сильнейшее оружие тех, у кого нет силы. Но истина нужна человеку не только для того, чтобы ориентироваться во внешнем мире; его собственная сила в значительной мере зависит от того, насколько он знает истину о самом себе. Иллюзии о себе могут послужить костылями для тех, кто не может ходить без них, но, вообще говоря, они ослабляют личность. Наивысшая сила индивида основана на максимальном развитии его личности, а это предполагает максимальное понимание самого себя. "Познай самого себя" — это одна из главных заповедей силы и счастья человека.

В дополнение к упомянутым факторам существуют и другие, активно содействующие уничтожению тех остатков способности к самостоятельному мышлению, какие еще сохраняются у среднего взрослого человека. Значительный сектор нашей культуры имеет единственную функцию: затуманивать все основные вопросы личной и общественной жизни, все психологические, экономические, политические и моральные проблемы. Один из видов дымовой завесы представляет собой утверждение, что эти проблемы слишком

сложны, что среднему человеку их не понять. На самом деле наоборот: большинство проблем личной и общественной жизни очень просто, настолько просто, что понять их мог бы практически каждый. Их изображают — и зачастую умышленно — настолько сложными для того, чтобы показать, будто разобраться в них может только "специалист", да и то лишь в своей узкой области; и это отбивает у людей смелость и желание думать самим, подрывает их веру в свою способность размышлять о насущных проблемах. Индивид чувствует себя безнадежно увязшим в хаотической массе фактов и с трогательным терпением ждет, чтобы "специалисты" решили, что ему делать.

Результат такого влияния оказывается двояким: с одной стороны, цинизм и скептицизм в отношении всего, что пишется и говорится, а с другой — детское доверие ко всему, что будет сказано с достаточным апломбом. Сочетание цинизма и наивности весьма типично для современного индивида, а результатом этого сочетания становится боязнь собственного мышления, собственных решений.

Другим фактором, парализующим способность к критическому мышлению, становится разрушение целостного представления о мире. Факты утрачивают то специфическое качество, которое имели бы, будучи составными частями общей картины, и приобретают абстрактный, количественный характер; каждый факт превращается просто в еще один факт, причем существенным кажется лишь то, больше мы их знаем или меньше. В этом смысле воздействие кино, радио и газет поистине катастрофично: сообщения о бомбардировке городов и гибели тысяч людей бесстыдно сменяются — или даже прерываются — рекламой мыла или вина; тот же диктор, тем же внушительным голосом, в той же авторитетной манере, в какой он только что излагал вам серьезность политической ситуации, теперь просвещает свою аудиторию относительно достоинств мыла именно той фирмы, которая заплатила за передачу; хроника позволяет себе показывать торпедированные корабли вперемежку с выставками мод; газеты описывают любимые блюда или банальные изречения новой кинозвезды с такой же серьезностью, как и крупные события в области науки или искусства, и так далее.

Все это приводит к тому, что мы теряем подлинную связь с услышанным; оно нас как бы не касается. Мы перестаем волноваться, наши эмоции и критическое суждение заторможены; наше отношение ко всему, что происходит в мире, становится безразличным. Во имя "свободы" жизнь утрачивает какую бы то ни было целостность; она состоит теперь из массы мелких кусочков, отдельных один от другого и не имеющих никакого смысла в совокупности. Индивид оказывается перед грудой этих кусочков, как ребенок перед мозаичной головоломкой; с той разницей, что ребенок знает, что такое дом, и может различить его части на своих кубиках, а взрослый не видит смысла того "целого", части которого попали ему в руки. Он ошарашенно и испуганно разглядывает эти кусочки и не знает, что с ними делать.

Все сказанное об утрате оригинальности в мыслях и в чувствах относится и к желаниям. Это особенно трудно заметить; может показаться, что у современного человека нет недостатка в желаниях, что он знает, чего хочет, и единственная его проблема — невозможность все свои желания выполнить. Вся наша энергия уходит на достижение того, чего мы хотим, и большинство людей никогда не задумывается о первопричине этой деятельности: знают ли

они, чего на самом деле хотят, сами ли они хотят достичь тех целей, к которым стремятся. В школе они хотят иметь хорошие отметки; повзрослев, хотят как можно больше преуспеть, больше заработать, добиться большего престижа, купить лучшую автомашину, поехать в путешествие и т. д. Но если они вдруг остановятся среди этой неистовой деятельности, то у них может возникнуть вопрос: "Ну, получу я эту новую работу, куплю эту новую машину, поеду в это путешествие, что тогда? Что проку во всем этом? Это на самом деле мне нужно? Не гонюсь ли я за чем-то таким, что должно меня осчастливить, но надоест мне тотчас, едва я этого добьюсь?" Если такие вопросы появляются, они пугают, потому что затрагивают самую основу деятельности человека: знание, чего он хочет. Поэтому люди стремятся поскорее избавиться от этих тревожных мыслей. Они полагают, что эти вопросы потревожили их лишь из-за усталости или депрессии, и продолжают погоню за теми целями, которые считают своими.

Однако здесь проявляется смутное понимание правды — той правды, что современный человек живет в состоянии иллюзии, будто он знает, чего хочет; тогда как на самом деле он хочет того, чего должен хотеть в соответствии с общепринятым шаблоном. Чтобы принять это утверждение, необходимо уяснить себе, что знать свои подлинные желания гораздо труднее, чем кажется большинству из нас; это одна из труднейших проблем человеческого бытия. Мы отчаянно стараемся уйти от этой проблемы, принимая стандартные цели за свои собственные. Современный человек готов пойти на громадный риск, стараясь добиться цели, которая считается "его" целью, но чрезвычайно боится риска и ответственности задать себе подлинно собственные цели. Бурную деятельность часто считают признаком самостоятельного действия, но мы знаем, что такая деятельность может быть не более самостоятельной, чем поведение актера или загипнотизированного человека. Когда ставится пьеса, каждый актер может очень энергично играть свою роль и даже вставлять какие-то реплики или детали действия от себя. Но при этом он все-таки всего лишь играет порученную ему роль.

Весьма трудно определить, насколько наши желания — так же как и мысли и чувства — не являются нашими собственными, а навязаны нам со стороны; и эта специфическая трудность тесно связана с проблемой власти и свободы. В ходе новой истории власть церкви сменилась властью государства, власть государства — властью совести, а в наши дни эта последняя была вытеснена анонимной властью здравого смысла и общественного мнения, которые превратились в орудия конформизации. Освободившись от прежних открытых форм власти, мы не замечаем, что стали жертвами власти нового рода. Мы превратились в роботов, но живем под влиянием иллюзии, будто мы самостоятельные индивиды. Эта иллюзия помогает индивиду сохранять неосознанность его неуверенности, но на большее она не способна. В результате личность индивида ослабляется, так что неосознанное чувство бессилия и неуверенности не только сохраняется, но и крайне возрастает. Индивид живет в мире, с которым потерял все подлинные связи, в котором все и вся инструментализованы; и сам он стал частью машины, созданной его собственными руками. Он знает, каких мыслей, каких чувств, каких желаний ждут от него окружающие, и мыслит, чувствует и желает в соответствии с этими ожиданиями, утрачивая при этом свое "я", на котором только и может быть построена подлинная уверенность свободного человека.

Утрата своего "я" вызывает глубокие сомнения в собственной личности и тем самым усиливает потребность в приспособлении. Если я представляю собой лишь то, чего — по моему мнению — от меня ожидают, то кто же я? Мы уже видели, как с крушением средневекового строя, в котором каждый индивид имел свое бесспорное место, начались сомнения относительно собственной сущности. Начиная с Декарта подлинная сущность индивида стала одной из основных проблем современной философии. Сегодня мы считаем бесспорным, что мы — это мы; однако сомнение — что же это такое? — не только не исчезло, но, может быть, даже увеличилось. Это ощущение современного человека выражено в пьесах Пиранделло. Он ставит вопросы: Кто я? Есть ли у меня доказательства собственной идентичности, кроме моего физического тела? Его ответы непохожи на ответы Декарта. Тот утверждал индивидуальную личность, Пиранделло ее отрицает: у "я" нет собственной сущности, личность является лишь отражением того, чего ожидают от нее остальные, личность — это "что вам будет угодно".

Такая потеря собственной сущности превращает конформизацию в императив: человек может быть уверен в себе лишь в том случае, если живет в соответствии с ожиданиями других. Если мы живем не по общепринятому сценарию, то рискуем не только вызвать неодобрение и возросшую изоляцию, но и потерять уверенность в своей сущности, что угрожает психическому здоровью.

Приспосабливаясь к ожиданиям окружающих, стараясь не отличаться от них, человек может приглушить свои сомнения по поводу собственной сущности и приобрести какую-то уверенность. Однако цена за это высока: отказ от своей спонтанности, индивидуальности и свободы. Психологический робот живет лишь биологически, эмоционально он мертв; он двигается, как живой, но тем временем жизнь его, словно песок, уходит сквозь пальцы. Современный человек изображает удовлетворение и оптимизм, но в глубине души он несчастен, почти на грани отчаяния. Он судорожно цепляется за все индивидуальное, он хочет быть "не таким, как все", ведь нет лучшей рекомендации для чего бы то ни было, чем слова "это что-то особенное". Нам сообщают имя железнодорожного кассира, у которого мы покупаем билет; сумки, игральные карты и портативные приемники "персонализированы" инициалами их владельцев. Все это свидетельствует о жажде "особенного", но это, пожалуй, последние остатки индивидуальности. Современный человек изголодался по жизни, но поскольку он робот, жизнь не может означать для него спонтанную деятельность, поэтому он довольствуется любыми суррогатами возбуждения: пьянством, спортом или переживанием чужих и вымышленных страстей на экране.

Что же означает свобода для современного человека? Он стал свободен от внешних оков, мешающих поступать в соответствии с собственными мыслями и желаниями. Он мог бы свободно действовать по своей воле, если бы знал, чего он хочет, что думает и чувствует. Но он этого не знает; он приспосабливается к анонимной власти и усваивает такое "я", которое не составляет его сущности. И чем больше он это делает, тем беспомощнее себя чувствует, тем больше ему приходится приспосабливаться. Вопреки видимости оптимизма и инициативы современный человек подавлен глубоким чувством бессилия, поэтому он пассивно, как парализованный, встречает надвигающиеся катастрофы.

При поверхностном взгляде видно лишь то, что люди вполне успешно функционируют в экономической и социальной жизни, но было бы опасно не заметить за этим благополучным фасадом подспудную неудовлетворенность. Если жизнь теряет смысл, потому что ее не проживают, человек впадает в отчаяние. Умирая от физического голода, люди не остаются тихи и спокойны; точно так же они не могут тихо и спокойно умирать от голода психического. Если в отношении "нормального" человека нас будет интересовать лишь его экономическая обеспеченность, если мы упустим из виду подсознательное страдание среднего автоматизированного человека, мы не сможем понять ту опасность, исходящую из человеческого характера, которая угрожает нашей культуре: готовность принять любую идеологию и любого вождя за обещание волнующей жизни, за предложение политической структуры и символов, дающих жизни индивида какую-то видимость смысла и порядка. Отчаяние людей-роботов — питательная среда для политических целей фашизма.

2. Свобода и спонтанность

До сих пор в этой книге рассматривался лишь один аспект свободы: бессилие и неуверенность изолированного индивида, который освободился от всех уз, некогда придававших жизни смысл и устойчивость. Мы видели, что индивид не в состоянии вынести эту изоляцию. Как изолированное существо он крайне беспомощен перед внешним миром, вызывающим у него страх; из-за этой изоляции для него разрушилось единство мира, и он потерял всякую ориентацию. В результате его одолевают сомнения: он сомневается в себе самом, в смысле жизни, а в конечном итоге — в любом руководящем принципе собственного поведения. Беспомощность и сомнения парализуют жизнь, и, чтобы жить, человек старается избавиться от своей негативной свободы. Это приводит его к новым узам; но они отличаются от первичных, хотя до полного разрыва тех первичных уз он также подчинялся какому-то авторитету или социальной группе. Бегство от свободы не восстанавливает его утраченной уверенности, а лишь помогает ему забыть, что он отдельное существо. Он приобретает новую, хрупкую уверенность, пожертвовав целостностью своего индивидуального "я". Он отказывается от своей личности, потому что не может вынести одиночества. Таким образом, "свобода от" приносит ему новое рабство.

Следует ли из нашего анализа, что существует неизбежный цикл, ведущий от свободы к новой зависимости? Приводит ли освобождение от первичных уз к такому одиночеству и изоляции индивида, которые неизбежно заставляют его искать выход в новом рабстве? Обязательно ли независимость и свобода тождественны изоляции и страху? Или возможно состояние позитивной свободы, в котором индивид существует как независимая личность, но не изолированная, а соединенная с миром, с другими людьми и с природой?

Полагаем, что на последний вопрос можно ответить положительно. Процесс развития свободы — не порочный круг; человек может быть свободен, но не одинок, критичен, но не подавлен сомнением, независим, но неразрывно связан с человечеством. Эту свободу человек может приобрести, реализуя свою личность, будучи самим собой. Но что значит реализовать свою личность? Философы-идеалисты полагали, что личность может быть реализована одними только усилиями интеллекта. Они считали для этого необходимым расщепление личности, при котором разум должен подавлять и опекать человеческую

натуру. Однако такое расщепление уродовало не только эмоциональную жизнь человека, но и его умственные способности. Разум, приставленный надзирателем к своей узнице — натуре человека, стал в свою очередь узником, и, таким образом, обе стороны человеческой личности — разум и чувство — калечили друг друга. Мы полагаем, что реализация своего "я" достигается не только усилиями мышления, но и путем активного проявления всех его эмоциональных возможностей. Эти возможности есть в каждом человеке, но они становятся реальными лишь в той мере, в какой они проявляются. Иными словами, позитивная свобода состоит в спонтанной активности всей целостной личности человека.

Здесь мы подходим к одной из труднейших проблем психологии — к проблеме спонтанности. Попытка рассмотреть эту проблему, как она того заслуживает, потребовала бы еще одной книги. Но сказанное выше позволяет в какой-то степени понять, что такое спонтанность, рассуждая "от противного". Спонтанная активность — это не вынужденная активность, навязанная индивиду его изоляцией и бессилием; это не активность робота, обусловленная некритическим восприятием шаблонов, внушаемых извне. Спонтанная активность — это свободная деятельность личности; в ее определение входит буквальное значение латинского слова *sponte* — сам собой, по собственному побуждению. Под деятельностью мы понимаем не "делание чего-нибудь"; речь идет о творческой активности, которая может проявляться в эмоциональной, интеллектуальной и чувственной жизни человека, а также и в его воле. Предпосылкой такой спонтанности являются признание целостной личности, ликвидация разрыва между "разумом" и "натурой", потому что спонтанная активность возможна лишь в том случае, если человек не подавляет существенную часть своей личности, если разные сферы его жизни слились в единое целое.

Хотя в нашем обществе спонтанность — довольно редкий феномен, мы все же не совсем ее лишены. Чтобы лучше объяснить, что это такое, я хотел бы напомнить читателю некоторые ее проявления в нашей жизни.

Прежде всего, мы знаем индивидов, которые живут — или жили — спонтанно, чьи мысли, чувства и поступки были проявлениями их собственной личности, а не автоматическими действиями роботов. По большей части это художники. В сущности, художника можно и определить как человека, способного к спонтанному самовыражению. Если принять это определение, а Бальзак именно так определял художника, то некоторых философов и ученых тоже нужно назвать художниками, а другие отличаются от них так же, как старомодный фотограф от настоящего живописца. Есть и другие индивиды, наделенные той же спонтанностью, хотя и лишенные способности — или, может быть, только умения — выражать себя объективными средствами, как это делает художник. Однако положение художника непрочное, потому что его индивидуальность, спонтанность уважаются лишь в том случае, если он преуспел; если же он не может продать свое искусство, то остается для своих современников чудачком и "невротиком". В этом смысле художник занимает в истории такое же положение, как революционер: преуспевший революционер — это государственный деятель, а неудачливый — преступник.

Другой пример спонтанности — маленькие дети. Они способны чувствовать и думать на самом деле по-своему, эта непосредственность выражается в том, что они говорят, в том, как себя ведут. Я уверен, что та привлекательность, какую имеют дети для большинства

взрослых (кроме разного рода сентиментальных причин), объясняется именно спонтанностью детей. Непосредственность глубоко трогает каждого человека, если он еще не настолько мертв, что уже не способен ощутить ее. В сущности, нет ничего привлекательнее и убедительнее спонтанности, кто бы ее ни проявлял: ребенок, художник или любой другой человек.

Большинству из нас знакомы хотя бы отдельные мгновения нашей собственной спонтанности, которые становятся и мгновениями подлинного счастья. Это может быть свежее и непосредственное восприятие пейзажа, или озарение после долгих размышлений, или необычайное чувственное наслаждение, или прилив нежности к другому человеку. В эти моменты мы узнаем, что значит спонтанное переживание и чем могла бы быть человеческая жизнь, если бы эти переживания, которые мы не умеем культивировать, не были столь редки и случайны.

Почему же спонтанная деятельность решает проблему свободы? Мы уже говорили, что негативная свобода превращает индивида в изолированное существо слабое и запуганное, — чье отношение к миру определяется отчужденностью и недоверием. Спонтанная активность — это единственный способ, которым человек может преодолеть страх одиночества, не отказываясь от полноты своего "я", ибо спонтанная реализация его сущности снова объединяет его с миром — с людьми, природой и самим собой. Главная, важнейшая составная часть такой спонтанности — это любовь, но не растворение своего "я" в другом человеке и не обладание другим человеком. Любовь должна быть добровольным союзом с ним, на основе сохранения собственной личности. Именно в этой полярности и заключается динамический характер любви: она вырастает из стремления преодолеть отдельность и ведет к единению, но не уничтожает индивидуальность. Другая составная часть спонтанности — труд. Но не вынужденная деятельность с целью избавиться от одиночества и не такое воздействие на природу, при котором человек, с одной стороны, господствует над нею, а с другой — преклоняется перед ней и поработается продуктами собственного труда. Труд должен быть творчеством, соединяющим человека с природой в акте творения. Что справедливо в отношении любви и труда, справедливо и в отношении всех спонтанных действий, будь то чувственное наслаждение или участие в политической жизни общества. Спонтанность, утверждая индивидуальность личности, в то же время соединяет ее с людьми и природой. Основное противоречие, присущее свободе, — рождение индивидуальности и боль одиночества — разрешается спонтанностью всей жизни человека.

При всякой спонтанной деятельности индивид сливается с миром. Но его личность не только сохраняется, она становится сильнее. Ибо личность сильна постольку, поскольку она деятельна. Обладание чем бы то ни было силы не дает, идет ли речь о материальных ценностях или о психических способностях к чувству или мысли. Присвоение неких объектов, манипулирование ими тоже не усиливают личность; если мы что-то используем, оно не становится нашим только потому, что мы его используем. Наше — только то, с чем мы подлинно связаны своей творческой деятельностью, будь то другой человек или неодушевленный объект. Только качества, которые вытекают из нашей спонтанной активности, придают личности силу и тем самым формируют основу ее полноценности. Неспособность действовать спонтанно, выражать свои подлинные мысли и чувства и вытекающая из этого необходимость выступать перед другими и перед самим собой в

какой-то роли — под маской псевдоличности — вот в чем источник чувства слабости и неполноценности. Сознаем мы это или нет, но мы ничего так не стыдимся, как отказа от себя, а наивысшую гордость, наивысшее счастье испытываем тогда, когда думаем, говорим и чувствуем подлинно самостоятельно.

Отсюда следует, что важна именно деятельность сама по себе, а не ее результат. В нашем обществе принято противоположное убеждение. Мы производим не для удовлетворения конкретных потребностей, а для абстрактной цели продать свой товар; мы уверены, что можем купить любые материальные или духовные блага и эти блага станут нашими без какого-либо творческого усилия, связанного с ними. Точно так же наши личные качества и плоды наших усилий мы рассматриваем как товар, который можно продать за деньги, за престиж или власть. При этом центр тяжести смещается с удовлетворения творческой деятельностью на стоимость готовой продукции; и человек теряет единственное удовлетворение, при котором мог бы испытать настоящее счастье, — наслаждение процессом творчества. Человек же охотится за призраком, за иллюзорным счастьем по имени Успех, который каждый раз оставляет его разочарованным, едва ему покажется, что он достиг наконец чего хотел.

Если индивид реализует свое "я" в спонтанной активности и таким образом связывает себя с миром, то он уже не одинок: индивид и окружающий мир становятся частями единого целого: он занимает свое законное место в этом мире, и поэтому исчезают сомнения относительно его самого и смысла жизни. Эти сомнения возникают из его изолированности, из скованности жизни; если человек может жить не принужденно, не автоматически, а спонтанно, то сомнения исчезают. Человек осознает себя как активную творческую личность и понимает, что у жизни есть лишь один смысл — сама жизнь.

Если человек преодолевает сомнение относительно себя и своего места в мире, если актом спонтанной реализации своей жизни он сливается с миром, то он приобретает силу как индивид, обретает уверенность. Однако эта уверенность отличается от той, какая была характерна для доиндивидуального состояния, так же как новая связанность с миром отличается от первичных уз. Новая уверенность не основана на защите индивида какой-то высшей внешней силой; она и не игнорирует трагическую сторону жизни. Новая уверенность динамична; она основана — вместо внешней защиты — на спонтанной активности самого человека; он обретает ее постоянно, в каждый момент своей спонтанной жизни. Это уверенность, какую может дать только свобода; и она не нуждается в иллюзиях, поскольку устранила условия, вызывавшие потребность в этих иллюзиях.

Позитивная свобода как реализация личности подразумевает безоговорочное признание уникальности индивида. Люди рождаются равными, но разными. Основу этого различия составляют врожденные физиологические и психические качества людей, с которыми они начинают жизнь; затем накладывается влияние тех обстоятельств и переживаний, с которыми пришлось столкнуться каждому из них. Индивидуальная основа личности так же не может быть тождественна ни одной другой, как не могут быть физически тождественны два разных организма. Подлинное развитие личности всегда состоит в развитии именно данной индивидуальной основы; это органический рост, развитие того зародыша, который характерен именно для данного человека, и только для него. Противоестественное

развитие человека-робота втискивает индивидуальную основу в форму псевдоличности, которая, как мы видели, по сути, состоит из внешних шаблонов мышления и чувствования. Органическое развитие возможно лишь при условии наивысшего уважения к особенностям личности — как чужой, так и своей собственной. Уважение к уникальности, культивирование уникальности каждого человека — это ценнейшее достижение человеческой культуры. И именно этому достижению сегодня грозит опасность.

Уникальность каждой личности отнюдь не противоречит принципу равенства. Тезис, что люди рождаются равными, означает, что все они обладают основными человеческими качествами, все разделяют общую трагическую судьбу и все имеют одинаково неотъемлемое право на свободу и счастье. Кроме того, этот тезис означает, что отношения людей должны определяться солидарностью, а не господством и подчинением. Но принцип равенства вовсе не предполагает, что все люди одинаковы. Подобное толкование равенства основывается на той роли, которую играет сегодня каждый индивид в своей экономической деятельности. В отношениях между человеком продающим и человеком покупающим конкретные личностные различия уничтожены. В этой ситуации имеет значение лишь то, что у одного есть товар, чтобы продать, а у другого — деньги, чтобы купить. В экономической жизни один человек не отличается от другого, но как реальные люди они различны, и суть индивидуальности состоит в культивировании этих различий.

Позитивная свобода предполагает и тот постулат, что человек является центром и целью своей жизни; что развитие его индивидуальности, реализация его личности — это высшая цель, которая не может быть подчинена другим, якобы более достойным целям. Этот постулат может вызвать серьезные возражения. Не ведет ли он к безудержному эгоизму? Не отрицает ли самопожертвование во имя идеала? Если принять его, не поведет ли это к анархии? В сущности, мы уже ответили на эти вопросы — отчасти по смыслу, а отчасти и совершенно определенно. Однако они настолько важны, что мы вернемся к ним, чтобы разъяснить наш ответ и избежать недоразумений.

Когда мы говорим, что человек не должен быть подчинен чему-то высшему, нежели он сам, это не умаляет значения идеалов. Напротив, это — сильнейшее утверждение идеалов, но, чтобы это понять, необходимо проанализировать само понятие идеала. Сегодня все склонны считать, что идеал — это любая цель, достижение которой не приносит материальной выгоды, что угодно, ради чего человек готов пожертвовать своими эгоистическими интересами. Это сугубо психологическая и тем самым релятивистская концепция идеала. С этой субъективистской точки зрения фашист, увлеченный стремлением подчиниться высшей силе и в то же время подавить других людей, является таким же идеалистом, как и борец за человеческую свободу и равенство. На такой основе проблему идеала решить нельзя.

Надо отличать подлинные идеалы от поддельных; различие между ними столь же фундаментально, как различие между правдой и ложью. Все подлинные идеалы имеют одну общую черту: они выражают стремление к чему-то такому, что еще не достигнуто, но необходимо для развития и счастья индивида. Быть может, мы не всегда знаем, что именно ведет к этой цели; мы можем спорить о ценности того или иного идеала в смысле человеческого развития, но это не может быть основанием для релятивизма,

утверждающего, будто нам вообще не дано знать, что способствует жизни, а что ей препятствует. Мы не всегда знаем, какая пища здоровая, а какая нет, но никому не приходит к голову утверждать, что яды вообще нераспознаваемы. Точно так же мы можем знать если захотим, — что отравляет психическую жизнь. Мы знаем, что нищета, запуганность, изоляция направлены против жизни, а за жизнь все то, что служит свободе и развивает способность и мужество быть самим собой. Что хорошо и что плохо для человека — это вопрос не метафизический, а эмпирический; ответ на него может дать анализ природы человека, знание конкретных, воздействующих на него условий.

Как же быть с "идеалами" вроде фашистских, определенно направленных против жизни? Как понять, что люди следуют этим ложным идеалам с тем же пылом, с каким другие следуют идеалам истинным? Некоторые психологические соображения помогут дать ответ на эти вопросы. Явление мазохизма доказывает, что страдание или подчинение может привлекать людей. Нет сомнений, что страдание, подчинение или самоубийство противоположны позитивным жизненным стремлениям; однако субъективно эти цели могут быть привлекательны, их достижение может давать удовлетворение. Эта тяга к тому, что вредит жизни, больше любого другого явления заслуживает названия "патологическое извращение". Многие психологи полагали, что наслаждение и избавление от страданий — это единственные законные принципы, руководящие поведением человека; но динамическая психология показывает, что субъективное наслаждение не может быть достаточным критерием для оценки поведения человека с точки зрения его счастья. Это видно из анализа мазохистских явлений. Такой анализ показывает, что наслаждение может быть следствием патологического извращения и так же мало значит для оценки объективного смысла испытываемых переживаний, как сладкий вкус яда — для оценки его воздействия на организм (2). Итак, мы определили подлинный идеал как любую цель, достижение которой способствует развитию, свободе и счастью личности. Те вынужденные и иррациональные цели, достижение которых может иметь субъективную привлекательность (например, стремление к подчинению), но вредно для жизни, мы определили как идеалы ложные. Из такого определения следует, что подлинный идеал — это не какая-то таинственная высшая сила, стоящая над индивидом, а отчетливое выражение полнейшего утверждения его собственной личности. Любой "идеал", противоречащий такому утверждению личности, уже тем самым оказывается не идеалом, а целью патологического стремления.

Это приводит нас и к вопросу о самопожертвовании. Мы определили свободу как неподвластность никакой высшей силе; исключается ли этим жертва, в том числе и жертва собственной жизнью?

Этот вопрос особенно важен в наши дни, когда фашизм провозглашает самопожертвование высочайшей добродетелью и производит на многих впечатление своим идеализмом. Ответ на него логически вытекает из всего сказанного до сих пор. Существует два совершенно разных типа жертвенности. То, что потребности нашего физического "я" и стремления нашего психического "я" могут прийти в состояние конфликта, что ради утверждения нашей духовной сущности мы можем быть вынуждены пожертвовать собой, — это один из трагических фактов жизни; самопожертвование всегда останется трагедией. Смерть не может быть сладка, за какие бы высокие идеалы ни приходилось ее принимать; она всегда

горька невыразимо, но тем не менее она может стать наивысшим утверждением нашей личности. Подобное самопожертвование в корне отличается от "самопожертвования", какое превозносит фашизм. Там самопожертвование представляется не наивысшей ценой, какую может заплатить человек за утверждение своей личности, а самой целью его существования. Это мазохистское самопожертвование видит жизненное предназначение человека в отрицании своей жизни, в самоуничтожении. Самопожертвование становится ярчайшим выражением того уничтожения индивидуальной личности, ее полного подчинения высшей власти, к которому стремится фашизм во всех его проявлениях. Это такое же извращение подлинного самопожертвования, как самоубийство — наивысшее извращение жизни. Подлинное самопожертвование предполагает непреклонное стремление к духовной целостности; самопожертвование тех, кто эту целостность утратил, лишь прикрывает их моральное банкротство.

Может возникнуть еще одно возражение: если индивидам дозволено действовать свободно, спонтанно, если они не признают над собой никакой власти, то не ведет ли это к неизбежной анархии? При условии, что под словом "анархия" понимается безудержный эгоизм и разрушительность, ответ зависит от нашего представления о человеческой природе. Я могу лишь сослаться на все сказанное выше, в главе о механизмах "бегства": человек сам по себе не хорош и не плох; человеческой жизни присуща внутренняя тенденция к развитию, проявлению способностей; если индивид изолирован, охвачен сомнениями, подавлен чувством одиночества и бессилия, то именно тогда он стремится к власти или к подчинению, тогда он склонен к разрушительности. Если же свобода человека станет позитивной, если он сможет реализовать свою сущность полностью; без компромиссов, то основополагающие причины антисоциальных стремлений исчезнут, а опасны будут люди ненормальные, больные индивиды. В истории человечества подобная свобода еще не достигалась никогда, однако она всегда была тем идеалом, к которому стремилось человечество, даже если это стремление, выражалось подчас в нелепых, иррациональных формах. Удивляться надо не тому, что история полна примеров жестокости и разрушительности, а тому, что человечество сохранило те качества достоинства, доблести и доброты, примеры которых мы находим на протяжении всей истории (и у бесчисленного множества людей в наши дни), причем сохранило и даже развило, несмотря на все то, что происходило с людьми. Этот факт не только удивляет, но и обнадеживает.

Если же анархия означает, что индивид не признав над собой никакой власти, то ответ заключается в то, что было сказано о различии между рационально и иррациональной властью. Рациональная власть — авторитет, — как и подлинный идеал, имеет своей целью развитие индивида; поэтому она в принципе не может быть в конфликте с индивидом, его подлинными — не патологическими стремлениями.

Основная мысль этой книги заключается в том, что для современного человека свобода имеет двойной смысл: он освободился от прежней власти и превратился в "индивида", но в то же время стал изолирован и бессилен, стал орудием внешних целей, отчужденным от себя самого и от других людей. Мы говорили, что такое состояние подрывает человеческую личность, ослабляет и запугивает человека, подготавливает его к подчинению, новому рабству. Позитивная же свобода означает полную реализацию способностей индивида, дает возможность жить активно спонтанно. Свобода, движимая внутренней логикой своего

развития, достигла критической точки, где ей угрожает опасность обратиться в свою противоположное.

Будущее демократии зависит от реализации индивидуализма, который был идеологической целью всего духовного развития Нового времени начиная с эпохи Возрождения. Культурный и политический кризис наших дней объясняется не тем, что индивидуализма стало слишком много, а тем, что наш так называемый индивидуализм превратился в пустую оболочку. Свобода может победить лишь в том случае, если демократия разовьется в общество, в котором индивид, его развитие и счастье станут целью и смыслом; в котором жизнь не будет нуждаться в каком бы то ни было оправдании, будь то успех или что угодно другое; в котором индивидом не будет манипулировать никакая внешняя сила, будь то государство или экономическая машина; и, наконец, в котором сознание и идеалы индивида будут не интериоризацией внешних требований, а станут действительно его собственными, будут выражать стремления, вырастающие из особенностей его собственного "я". Ни в одном из предыдущих периодов истории эти цели не были достижимы; они по необходимости оставались лишь идеологическими целями, поскольку не существовало материального базиса, необходимого для развития подлинного индивидуализма. Капитализм эту предпосылку создал. Проблема производства уже решена — по крайней мере в принципе; мы уже можем зримо представить себе будущее общество всеобщего изобилия, в котором борьба за экономические привилегии не будет вызываться экономической необходимостью. Проблема, с которой мы сталкиваемся сегодня, состоит в такой организации социальных и экономических сил, чтобы человек — член организованного общества стал хозяином этих сил, а не их рабом.

Я все время подчеркивал психологический аспект свободы, но неоднократно напоминал, что психологические проблемы не могут быть отделены от материальной основы человеческого бытия: экономической, социальной и политической структуры общества. Из этого следует, что для реализации позитивной свободы и индивидуализма необходимы такие экономические и социальные перемены, которые позволят индивиду стать свободным в смысле реализации его личности. В задачи этой книги не входит ни рассмотрение экономических проблем, ни прогноз экономики будущего, но я хочу четко определить, каким мне видится решение проблемы. Прежде всего мы не можем поступиться ни одним завоеванием современной демократии; мы должны сохранить основное из них — представительное правительство, избираемое народом и ответственное перед ним, а также и все права, гарантированные конституцией каждому гражданину. Мы не можем поступиться также новым демократическим принципом, утверждающим, что никто не должен голодать, что общество ответственно за всех своих членов, что никто не будет вынужден страхом безработицы и голода — к подчинению и потере человеческого достоинства. Эти основные достижения необходимо не только сохранить, но и упрочить и расширить. Но этого недостаточно. Прогресс демократии должен заключаться в развитии действительной свободы, инициативы и спонтанности индивида; причем не только в сугубо личных или духовных сферах, но и прежде всего в той деятельности, на которой строится все существование каждого человека, — в его труде.

Каковы общие условия для этого? Нерациональное, бесплановое общество должно быть заменено обществом с плановой экономикой, которая позволит объединять и

концентрировать усилия всего общества. Общество должно овладеть социальными процессами так же рационально, как овладело процессами природными. Главное условие для этого — уничтожение тайной власти небольшой кучки дельцов, хозяйничающих в экономике, без какой-либо ответственности перед массой людей, чьи судьбы зависят от их решений. Мы можем назвать такой общественный строй демократическим социализмом, но важно не название; важно организовать рациональную экономическую систему, которая служила бы интересам народа. Сегодня огромное большинство народа не только не имеет никакого влияния на экономическую машину, но и почти лишено возможностей для проявления подлинной инициативы и спонтанности при выполнении своей работы. Они "наняты", и от них требуется лишь выполнение того, что будет ведено. Индивид может брать на себя ответственность за свой труд и применять свою творческую мысль лишь в условиях плановой экономики, при которых вся нация рационально овладела экономическими и социальными силами. Важно, чтобы индивиду была предоставлена возможность подлинной активности, чтобы единство целей общества и индивида превратилось из лозунга в реальность, чтобы индивид активно применял в работе свои способности, чтобы он мог ощутить ответственность за свой труд, потому что этот труд имеет смысл и цель в плане его человеческих задач. Мы должны заменить манипулирование людьми активным и разумным сотрудничеством. Формально политический принцип "правительство — из народа, избранное народом, для народа" мы должны расширить и на сферу экономики.

Способствует ли некая экономическая и политическая система делу человеческой свободы? На этот вопрос нельзя ответить с точки зрения одной лишь политики или экономики. Единственный критерий реализации свободы активное участие индивида в определении своей собственной судьбы и жизни общества не только формальным актом голосования, но и своей повседневной деятельностью, своей работой, своими отношениями с другими людьми. Современная политическая демократия — если она ограничена сугубо политической сферой — не в состоянии преодолеть последствия экономической ничтожности среднего индивида. Но и чисто экономический подход — как обобществление средств производства — тоже недостаточен. "Социализм" превратился в слово-приманку, которую использовали в тактических целях и национал-социалисты, но сейчас я имею в виду Россию. Несмотря на обобществление средств производства, слово "социализм" стало в России лживым, потому что там широкими массами населения манипулирует всесильная бюрократия; даже если такая система управления и способна действовать в экономических интересах большинства народа, она неизбежно препятствует развитию свободы и индивидуализма.

Вообще никогда прежде слова не использовались для сокрытия правды так широко, как сегодня. Предательство союзников называется умиротворением, военная агрессия маскируется под защиту от нападения, завоевание малых народов проходит под именем договора о дружбе, а жесточайшее подавление целой нации совершается во имя национал-социализма. Объектами тех же злоупотреблений стали слова "демократия", "свобода" и "индивидуализм". Есть лишь один способ определить действительное различие между демократией и фашизмом. Демократия — это система, создающая экономические, политические и культурные условия для полного развития индивида. Фашизм — как бы он себя ни называл — это система, заставляющая индивида подчиняться внешним целям и

ослабляющая развитие его подлинной индивидуальности.

Очевидно, что одна из величайших трудностей для организации условий подлинной демократии состоит в противоречии между плановой экономикой и активным сотрудничеством каждого индивида. Плановая экономика в масштабах сколь-нибудь крупной промышленной системы требует значительной централизации, а следовательно, и бюрократического аппарата, способного управлять этой централизованной машиной. Вместе с тем, чтобы каждый индивид и каждая, даже мельчайшая, общественная ячейка могли активно участвовать в контроле и управлении системой в целом, необходима значительная децентрализация. Если планирование сверху не будет сочетаться с активным участием снизу, если поток общественной жизни не будет постоянно восходить снизу вверх, плановая экономика приведет к новой форме манипулирования народом. Решение проблемы сочетания централизации с децентрализацией — одна из главных задач, стоящих перед обществом. Эта задача, очевидно, не более сложна, чем те задачи технического плана, которые мы уже решили, которые дали нам почти полное господство над природой. Но решить ее можно только в том случае, если мы осознаем, что это необходимо, и если будем верить в людей, в их способность заботиться о своих подлинных человеческих интересах.

Здесь мы снова сталкиваемся с проблемой частной инициативы. В условиях либерального капитализма частная инициатива была одним из сильнейших стимулов и в развитии экономической системы, и в развитии личности. Но, во-первых, она развивала личность частично — лишь волю и разум, — а в остальном оставляла ее подчиненной экономическим целям. Во-вторых, принцип частной инициативы хорошо работал только в начальную эпоху капитализма, в эпоху свободной конкуренции, когда было достаточно места для бесчисленного множества независимых мелких предприятий. Теперь эта область сузилась, и лишь очень немногие могут проявить свою частную инициативу. Если мы хотим реализовать этот принцип сегодня и расширить его настолько, чтобы свободной становилась вся личность в целом, это возможно лишь на основе рациональных, совместных усилий всего общества и при условии такой децентрализации, которая сможет гарантировать подлинное и активное сотрудничество и контроль над управлением со стороны мельчайших ячеек общей системы.

Только когда человек овладеет обществом и подчинит экономическую машину целям человеческого счастья, только когда он будет активно участвовать в социальном процессе, только тогда он сможет преодолеть причины своего нынешнего отчаяния: одиночество и чувство бессилия. Сегодня человек страдает не столько от бедности, сколько оттого, что превратился в винтик гигантской машины, в робота, оттого, что жизнь его лишилась смысла. Победа над авторитарными системами всех видов станет возможна лишь в том случае, если демократия будет не отступать, а наступать, осуществляя те цели, к которым стремились борцы за свободу в течение последних столетий. Демократия победит силы нигилизма лишь в том случае, если сможет вдохнуть в людей самую сильную веру, на какую способен человек, — веру в жизнь, правду и свободу — в свободу активной и спонтанной реализации человеческой личности.